

О БЫЛОМ ЕДИНСТВЕ ПСИХОЛОГОВ И СУДЬБЕ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

В.П. ЗИНЧЕНКО

Зинченко Владимир Петрович — ординарный профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, академик РАО, доктор психологических наук. Автор около 400 опубликованных работ, многих книг и учебников, среди которых: «Посох Манделъштама и трубка Мамардашвили» (1997), «Мысль и слово Густава Шпета» (2000), «Психологические основы педагогики» (2002).

Контакты: zinchRae@yandex.ru

Резюме

В статье описан эпизод из жизни С.Л. Рубинштейна, связанный с избранием его в Академию наук СССР в 1943 г. Приводится письмо ведущих советских психологов в ЦК ВКП(б), в котором обоснована необходимость представительства психологии в АН и рекомендована кандидатура С.Л. Рубинштейна. Рассказано о гонениях на него в антисемитскую кампанию 1948-1953 гг. и о мужественной реакции ученого на эти гонения.

Ключевые слова: АН СССР, ЦК ВКП(б), этика, репрессии, сила духа, юмор, мужество, судьба, реабилитация

Есть не так много положительных вещей, которыми российская наука, в частности психология, обязана революции 1917 г. Одна из них — приход в психологию С.Л. Рубинштейна. Профессиональный философ, получивший образование в Марбургском университете и занимавшийся этикой, благодаря революции стал психологом. Он быстро понял, что в Советском Союзе этика исчезла как реальность и деформировалась как философская проблема. Она заменилась «классовым интересом». Он

нашел новую сферу приложения сил, обратившись к психологии, где сразу стал заметной фигурой (аналогична судьба другого профессионального философа — П.П. Блонского). В апреле 1958 г. после 40 лет работы в психологии в подготовительных фрагментах к своей последней неоконченной книге «Человек и мир» он писал: «Юмор в последнее время все более распространяется на всю мою судьбу, на все противоречия, несоответствия с ней. По призванию, по складу мысли я философ и притом

философ, сердцу которого особенно близки не только теория познания, но особенно этика, а официально я — психолог. Отсюда юмористический аспект моего отношения к моей специальности (“в психологии я случайный человек”)» (Сергей Леонидович Рубинштейн, 1989, с. 421). Сегодня без трудов этого «случайного» человека психология не представима. К нашему стыду, вынужден признать, что его «Основы общей психологии» (1940) не только лучший, но и единственный полноценный университетский учебник. Столь же уникальны его книги по философской психологии: «Бытие и сознание», «Человек и мир».

Я не стану делиться незабываемыми личными впечатлениями об учебе у него и встречах с ним. Это я сделал 10 лет тому назад на страницах журнала «Вопросы психологии» (Зинченко, 1999). Не буду также излагать биографию Сергея Леонидовича и его научные достижения. Все это неоднократно освещалось его учениками, последователями и поклонниками: психологами М.Г. Ярошевским, А.В. Брушлинским, К.А. Абульхановой-Славской, философами А.С. Арсеньевым, В.А. Лекторским и др. Достаточно полно опубликовано и его рукописное наследие, в том числе посмертно издана замечательная книга «Человек и мир», в которой он обратился к проблемам жизни и смерти, вернулся и к проблемам этики.

Остановлюсь на одном эпизоде, который случился во время Великой

Отечественной войны. Речь идет об избрании С.Л. Рубинштейна членом-корреспондентом Академии наук СССР. В то время, как и многие годы спустя, выдвижение ученого в академию должно было быть согласовано и одобрено ЦК ВКП(б). Туда обратилась группа ведущих психологов страны — профессора Московского государственного университета А.Н. Леонтьев, Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, Г.Х. Кекчеев и профессор Центрального института офтальмологии С.В. Кравков. Привожу полный текст письма¹:

Секретарю ЦК ВКП (б)
тов. Маленкову

За 25 лет своего существования советская психология прошла большой путь развития, богатый теоретическими и экспериментальными исследованиями. Она превратилась в передовую советскую науку. Отразившая состояние советской психологии книга проф. С.Л. Рубинштейна была удостоена высокой оценки — она получила Сталинскую премию.

Психология приобретает все возрастающее значение для различных областей практики. Во время Великой отечественной войны психология успешно включилась в работу на помощь фронту — по выполнению ряда оборонных заданий, связанных с разведкой и маскировкой, с противовоздушной обороной, с обучением летных кадров и кадров военно-морского флота, по восстановлению трудоспособности и боеспособности раненых бойцов.

¹ Я благодарен своему школьному другу Ю.И. Кривоносову, работающему в Институте истории естествознания и техники РАН РФ, обнаружившему в Архиве ЦК КПСС это письмо и передавшему его мне.

В условиях борьбы с фашизмом вопросы психологии, связанные с изучением сознания, мотивов поведения человека, путями формирования личности приобретают все более острое идеологическое значение. В послевоенный период значение психологии несомненно еще более возрастет.

Психология вводится сейчас в преподавание: она вводится в качестве учебного предмета в среднюю школу, соответственно расширяется и преподавание психологии в ВУЗах (отделение психологии и логики в Университетах, психология в педагогических институтах).

Основываясь на марксо-ленинской философии, советская психология тесно связана с рядом других смежных наук — с передовым советским естествознанием, языкознанием, с психопатологией и т. п. Однако, до настоящего времени психология вовсе не представлена в Академии наук и таким образом до сих пор не входит в общую систему научного планирования, координации и руководства, осуществляемых Академией.

Мы считаем такое положение неправильным. Мы полагаем, что в целях дальнейшего плодотворного развития советской научной психологии ее изоляция в этом отношении должна быть прекращена. Поэтому мы просим Вас поддержать наше ходатайство перед Президиумом Академии и Бюро отделения истории и философии об организации в системе Академии наук группы по психологии, путем привлечения наиболее видных специалистов и об оформлении ее в качестве одного из постоянных, органи-

ческих звеньев работы отделения, а также нашу просьбу учесть в связи с этим принципиальное значение выдвинутой рядом научных учреждений Советского Союза кандидатуры в члены-корреспонденты Академии наук СССР директора Института психологии Московского Университета профессора С.Л. Рубинштейна, который является ведущим представителем психологической (так в тексте. — В.З.)² науки.

Подписи

/ Профессора: А.Н. Леонтьев,
Б.М. Теплов, Г.Х. Кекчеев,
С.В. Кравков, А.А. Смирнов /

Письмо было датировано 20 августа 1943 г., а 24 августа Г.М. Маленков наложил резолюцию: т. Александрову — Считаю, что эти предложения надо поддержать. (Философ Г.Ф. Александров в то время возглавлял Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).) Далее на письме следуют еще две записи с неразборчивыми подписями. Первая: В Архив. Кандидатура т. Рубинштейна выдвинута в член-корр. АН. 8/IX. И вторая — видимо, о принятии письма: Архив. 10/IX 43 г. Скорость рассмотрения и решения вопроса для сегодняшнего дня немыслимая.

Кандидатура С.Л. Рубинштейна была выдвинута двумя выдающимися мыслителями — геохимиком В.И. Вернадским и физиологом А.А. Ухтомским. Думаю, что признание ими научных заслуг Сергея Леонидовича

² Эта опечатка заслуживает того, чтобы обогатить коллекцию феноменов внимания. Пять профессоров психологии, подписывая далеко не рядовое письмо в главное учреждение страны, не заметили ее в слове, обозначающем их профессию. И это при том, что слово располагалось не в середине текста, а непосредственно над их подписями.

значило для него не меньше, чем само избрание. Обращу внимание на то, что психологи, обратившиеся в ЦК ВКП(б) и до и после этого обращения далеко не во всем были согласны друг с другом и с С.Л. Рубинштейном, но все они, заботясь о судьбе психологии в стране, отложили в сторону свои разногласия. В своем главном жизненном деле они были единодушны, чего, к сожалению, нельзя сказать о последующих поколениях психологов.

Через год, в 1944 г., С.Л. Рубинштейн был включен в число учредителей Академии педагогических наук РСФСР и стал ее действительным членом.

Авторы письма деликатно умолчали о том, что психология в 1920–1930 годы была в числе «репрессированных» наук (этот термин появился много позже). Был запрещен психоанализ и социальная психология, разгромлены педология и психотехника. Но этим дело не кончилось. Репрессии конца 1940 — начала 1950-х годов затронули и С.Л. Рубинштейна, и его талантливый ученик М.Г. Ярошевского и других. Ни Сталинская премия, ни членство в двух академиях, ни безусловный авторитет, которым пользовался этот замечательный человек и ученый в научных кругах, не спасли Сергея Леонидовича от гонений во время антисемитской кампании 1948–1953 гг., называвшейся борьбой с безродными космополитами. В двух «дискуссиях» по «Основам общей психологии» его называли лжеученым и заметным агентом американского империализма. Он был снят со всех должностей, его труды были запрещены и изъяты из библиотек. В 1954 г.

С.Л. Рубинштейн был восстановлен в правах и плодотворно работал до своей кончины в 1960 г.

Сергей Леонидович был поразительно мужественным человеком, он стойко выносил превратности своей научной судьбы: «Мое все более юмористическое отношение к проработкам, которым я подвергался, к непрерывным “претензиям” и “козням” моих “друзей”... они не могут также простить мне того, что они меня прорабатывали. Когда-то это вызывало немало горя — не без того (тогда преобладала жестокая ирония)... Эта научная творческая пустота, выступающая из под внешней административной “импозантности”», — писал он в цитированных выше фрагментах. Он называл такое юмористическое отношение «с позиций силы»: «Рост собственной творческой силы — вот основа, на которой изживалась горечь и крепло добродушие и снисходительность юмора». С.Л. Рубинштейн, конечно, сознавал, что «Здесь не отделаешься одним лишь юмором, поскольку дело было не только во мне, но и в судьбе всей советской науки» (Сергей Леонидович Рубинштейн, 1989, с. 421).

Печально, но факт: среди «проработчиков» был и один из моих учителей — А.Н. Леонтьев, возглавивший в 1948 г. вместо С.Л. Рубинштейна кафедру и отделение психологии в Московском государственном университете. Кто знает, когда он был искренен, то ли когда подписывал письмо в ЦК ВКП(б) или когда публично упрекал С.Л. Рубинштейна в идеологических, а для того времени — смертных — грехах?

Вполне философски Сергей Леонидович относился к смерти: «Две

есть в жизни прекрасные поры — годы юности и завершения жизни. Еще раз — смятение чувства. Великий перелом. Подведение итогов... Завершение — обращение к своему народу и человечеству» (Сергей Леонидович Рубинштейн, 1989, с. 420). Он действительно был космополитом, но не в сталинско-ждановском, а в подлинном и возвышенном смысле слова, т. е. — Человеком Мира. И далее «Смерть моя — для других — остающаяся жизнь после моей смерти — есть мое не-бытие. Для меня

самого, т. е. для каждого человека, для него самого — смерть — последний акт, завершающий жизнь. Он должен отвечать за свою жизнь и в свою очередь определять ее конечный смысл. Отношение к своей смерти как к своей жизни» (Сергей Леонидович Рубинштейн, 1989, с. 415).

Осмелюсь предположить, что, хотя и случайно, делом его жизни была все же психология. Побольше бы нам таких пришельцев, но, конечно, не ценой переворотов, подобных Октябрьской революции.

Литература

Зинченко В.П. Слово о С.Л. Рубинштейне (К 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна) // Вопросы психологии. 1999. №5. С. 107–110.

Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам

органической психологии. М.: Тривола, 1997. С. 321–323.

Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки, воспоминания, материалы. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989.